

Проектные критерии достоверного раскрытия масштабности ансамбля «Морской форум России» в Санкт-Петербурге

В статье исследуются проектные критерии достоверного раскрытия масштабности ансамбля стрелки Васильевского острова и набережных Невы в средовом и сценарном проектировании. Раскрывается роль ансамбля в формировании пространственно-семантического каркаса Санкт-Петербурга. Отмечается целенаправленное использование художественных средств и композиционных приемов формирования масштабности несколькими поколениями архитекторов. Утверждается необходимость поддержания аутентичных особенностей ансамбля на основе выявленных критериев.

Ключевые слова: архитектурный ансамбль; архитектурная композиция; масштабность; охрана культурного наследия

Dmitry Shatilov

Design Criteria for a Reliable Disclosure of the Scale of the Ensemble of “Marine Forum of Russia” in St Petersburg

The article examines the design criteria for a reliable disclosure of the scale of the ensemble of the spit of Vasilievsky Island and the Neva embankments in environmental and scenario design. The article reveals the role of the ensemble in the development of the spatial-semantic framework of St Petersburg. The article notes the purposeful use of artistic means and compositional techniques for the formation of scale by several generations of architects, and also states the need to maintain the authentic features of the ensemble based on the identified criteria.

Keywords: architectural ensemble; architectural composition; scale; protection of cultural heritage

Высокой миссии, стоящей перед Россией с самого момента основания Северной столицы, отвечала задача формирования величественного образа петровской акватории как символа духовных достижений, военных и торговых триумфов. Открытое пространство перед Адмиралтейской и Петропавловской крепостями обрело значение Морского форума России: начиная с 1714 г. (победа при Гангуте) здесь демонстрировались русские и трофейные шведские корабли. Традиция проводить морские парады возрождалась и поддерживалась в последующие века, что дало основание архитектуро-реставратору Дмитрию Александровичу Бутырину называть это пространство «Морским форумом России».

Захиста историко-культурной ценности ансамбля требует понимания его композиционного строя, в котором ключевую роль играет характеристика масштабности. Обращение к крупнейшему, тщательно разработанному архитектурному ансамблю позволяет решить фундаментальную задачу: выявить условия формирования масштабности.

Соразмерность элементов ландшафта достигается модуляцией пространственно-семантической структуры ансамбля. Верхние границы модуляции заданы космическим, имперским и сакральным значениями Пулковского меридiana [6, с. 159, 160], выражаяющими преемственность цивилизаций, а также значением широтной оси Невы, объединяющей пути «из варяг в греки» и «из варяг в персы». Пересечение осей отмечено шпилем Петропавловского собора (*ил. 1*) и имеет мощную планировочно-градостроительную поддержку [7, с. 33]. Башня Кунсткамеры как символ Александрийского маяка и гипподамова планировка Васильевского острова продолжают семантику меридiana. Средоточием осей являются также Первоначальный, Летний и Второй Зимний дворцы Петра Великого, а также башня Адмиралтейства [7].

Со временем исключительная значимость линейных композиционных связей, вызванная мечтательным отрицанием здесь-теперь-бытия, преодолевалась. Поиск внешних условий создания и обращенности форума вовне сменился формированием его

пластической структуры и появлением мемориальных комплексов, утверждавших здесь-теперь-бытие.

Знаками эволюции исторического сознания явились беспрецедентные акты создания «чехла над Первоначальным дворцом», использования архитектором А. Ф. Вистом в 1761 г. реминисценции петровского барокко при создании Ботного дома, сохранения А. Д. Захаровым башни и шпиля И. К. Коробова при реконструкции Адмиралтейства [3, с. 22]. Хранителями памяти стали музейные коллекции, дворцовые мемориалы, усыпальницы и соборы, а также архитектурно-скulptурный ансамбль форума. Взаимодействие открытых, полуоткрытых, полузамкнутых и замкнутых коммуникативных пространств сообщило особую значимость и иерархичность масштабному строю форума.

Членение ландшафта определено акваториями Балтики, Ладоги и Невы. Сверхчеловечность масштаба акватории одновременно вызывает и потерянность, и раскрепощающую анонимность наблюдателя. Ширина Большой Невы почти 250 м, расстояние от Дворцовой набережной до Петропавловской крепости 500 м, притом что 150 м – предельная дистанция для уверенной идентификации знакомой фигуры человека [5, с. 11].

Членение акватории Невы получает отклик в размахе площадей и улиц, дробящихся в системе внутривартальных пространств. Своеобразие ансамбля заключается в максимальном охвате спектра линейных, пространственных, объемных модулей. Восприятие происходит в коллизии грандиозности и уютности, презентативности и интимности, переживаний монументальности и сиюминутности. Небольшие помещения крепости и тщательно разработанные интерьеры дворцов, а также сформированные малыми формами архитектуры и транспортными средствами микропространства – неотъемлемая часть грандиозной симфонии природных стихий и городского ландшафта.

Чрезмерный контраст площадей акваторий Невской губы и Невы смягчен благодаря иллюзорному расширению пространства форума. Основа приема – учет основных маршрутов (мосты, набережные, фарватер), графиков движения и вектора восприятия

(в сторону моря). Масштабной координации служит обращение к стереотипам восприятия симметричных структур (*ил. 2*), ордерных систем и каменных кладок.

Раскрытию композиционного потенциала природного ландшафта первоначально отвечало симметричное расположение по обеим сторонам Невы Первоначального (Домик Петра I) и Летнего дворцов, фронтальное размещение здания Двенадцати коллегий.

Горизонтали ландшафта противопоставлены вертикали звонницы Петропавловского собора и башни Адмиралтейства, нарушающие симметрию. Гласисы, окружающие Адмиралтейскую и Петропавловскую крепости, впоследствии сквер и парк в честь Александра II, играют важнейшую роль в поддержании восприятия силуэтных доминант на фоне неба, что затрудняет оценку их истинного масштаба и усиливает действие художественных иллюзий. Доминанты усилены отражениями в водной глади и невысокой застройкой крепостей. Им противопоставлен скандированный ритм застройки набережных и протяженного (почти 400 м) здания Двенадцати коллегий, скромные по размерам, но весьма значимые элементы ансамбля: Первоначальный и Летний дворцы, павильон «Ботик Петра I».

Золотые шпили Адмиралтейства и колокольни Петропавловского собора в силу блескости и хроматической аберрации занимают центральное положение в композиции, расширяя пространство. Способствует сохранению глубины пространства то обстоятельство, что горизонтальный угловой размер высотных доминант незначителен с основных точек восприятия. В особенности это важно для сооружений, близко расположенных к реке. Это композиционно оправдывает размещение Исаакиевского храма в стороне от Невы при строительстве более крупного объема архитектором А. Ринальди.

Учет условий восприятия от Дворцовой набережной и расположенного рядом с ней фарватера обогащает палитру композиционных средств визуального расширения пространства. Оно достигается использованием диссимметрии, сокращением

по вертикали компартиментов и элементов высотных строений, схождением ритмов по горизонтали, уменьшением высот стен равелинов в сравнении со стенами бастионов, а также противопоставлением пестроты фасадов Дворцовой набережной холодному тону гранитных стен крепости, создающему эффект хроматической aberrации. Срабатывает стереотип восприятия симметричных планировок: застройка берегов воспринимается одинаковой по высоте, но правый берег кажется более удаленным, нарастает пространственная глубина.

Иллюзорно увеличило пространство Невы обустройство стрелки Васильевского острова (архитектор А. Д. Захаров, проект 1803–1804 гг.). Казалось бы, механистически следуя сложившейся гипподамовой системе (*ил. 3*), Захаров раскрыл композиционный потенциал диссимметрии, заставив поверить зрителя, что ось нового здания биржи, проходящая на самом деле близко к правому берегу Невы, совпадает с осью акватории (*ил. 2*). Диссимметрия выделила ансамбль Стрелки в ландшафте, усилила значение здания Биржи; периптер, представленный с основных точек восприятия в трехчетвертном ракурсе, координировал масштаб ансамбля в целом. Округлость смотровой площадки с пандусами, ведущими к причалу, скрыла истинное направление оси Стрелки.

Стратегическое градостроительное видение, присущее А. Д. Захарову, члену комиссии по постройке Биржи, стало важным проектным критерием композиционной целостности ансамбля. Сохранившиеся материалы проекта Ж.-Ф. Тома де Томона свидетельствуют о постепенном преодолении скованности, связанной с опорой на прототипы, об интересе к разработке модуляций ордерной системы [1, с. 193]. Выразительность в передаче тектоники сооружений и ландшафта в проектной графике Тома де Томона раскрывает стремление сформировать отвечающий перспективному развитию города величественный масштаб фасадов и интерьеров Биржи, ансамбля в целом.

Завершение реализации и одновременно забвение художественной концепции началось уже в середине XIX в. Эти противоположные тенденции усилены посадкой деревьев и возведением

мостов, строительством зданий и сооружений, в том числе новых вертикальных доминант. Последователи предложенной Захаровым схемы усилили иллюзию симметрии и глубину композиции строительством здания Таможни, храмов Св. Екатерины на Кадетской линии и Успения на набережной Лейтенанта Шмидта. Пространственную структуру ансамбля обогатили удаленные объекты: колокольня Князь-Владимирского собора, шпили Михайловского замка и Финляндского вокзала, телевизионная башня и здание Лахта-центра. Диссимметрия поддержана расположением Дворцового и Биржевого мостов. В то же время возникало множество одиозных проектов, способных нанести ущерб композиционной целостности; некоторые были реализованы. Возведением зданий бизнес-центра «Биржа» (архитектор Д. В. Ловкачёв, 2010) и жилого комплекса «Финансист» (Е. Л. Герасимов, 2009) была образована новая доминанта. Разборка верхних этажей и дугообразного завершения бизнес-центра, подчеркивающего симметрию группы в целом, существенно снизила ее негативное влияние. Объемы стали восприниматься порознь и асимметрично, потеряв роль определятелей масштаба.

Заметно ухудшилось восприятие ордерной системы ансамбля. Деревья Биржевого сквера (проекты архитектора Н. М. Салько 1894–1896 гг. и архитектора Л. А. Ильина 1925–1926 гг.) почти скрыли эталон масштаба – колонны портика здания Биржи. В результате нового строительства силуэт карнизов портика, а позже и карниза, венчающего основной объем, перестал восприниматься на фоне неба с основных точек восприятия. Венчающий крепостные стены Петропавловки короб для осветительного оборудования исказил их пластический и тектонический строй; горизонтальная полоса яркого света вместе со шлейфом собственного отражения в воде композиционно разрушила ансамбль, затмила его доминанты. Завершение цоколя здания Биржи в 1970-е гг. гранитной бортовой плитой нарушило иллюзию массивной «египетской кладки», которая достигалась использованием пиленных плит толщиной около 250 мм и угловых блоков с выемкой тыльной стороны, обращенной к кирпичной кладке цоколя. Кладка хорошо видна

на литографии А. П. Остроумовой-Лебедевой 1907 г. «Колонны Биржи и крепость».

Модернизация среды вызвала деградацию аутентичного восприятия светопространственного, масштабного и тектонического строя ансамбля. В частности, возвведение в начале 1970-х гг. 120-метровых труб Василеостровской ТЭЦ [2, с. 218] нарушило его значимость. Хотя угловой размер труб с основных точек восприятия и не превышает соответствующий размер башни Кунсткамеры, восприятие ансамбля в движении выявляет истинные размеры сооружений. Зритель отмечает величавый покой труб и ничтожность размеров здания Биржи, безвольно перемещающегося в кадре. Зависимость восприятия от скорости движения зрителя, транспорта, облаков, течения воды, от положения солнца и динамики искусственного света с годами меняется. Природные факторы вытесняются искусственными.

Появление первых уличных фонарей (1718, 1723), установка осветительных уличных фонарей, работавших на конопляном масле (с 1723), появление уличных фонарей газового освещения (с 1819), освещение газовыми фонарями важнейших улиц и мостов города (с 1859), первые опыты электрического освещения улиц (1873) и появление постоянного уличного электрического освещения (установка в 1879 г. первых фонарей на Литейном мосту) [4, с. 20, 22, 64, 76, 78, 100, 104] преобразили городской ландшафт.

Изменение световой среды привело к деградации аутентичного восприятия светопространственной структуры ансамбля. Блескость, несоответствие тона и распределения яркостей тектонике и пластическому строю сооружений, воспринимаемая дробность фронта фасадов набережных нарушают объемно-пространственную композицию ансамбля с дальних и средних дистанций. Современные фонарные столбы, высотой превосходящие фусты колонн портика томоновской Биржи, системы тросовой и струнной электропроводки освещения и воздушной контактной сети транспорта загромождают пространство и снижают масштаб при восприятии со средних и близких дистанций. Разрушающее

воздействие на восприятие пластического строя сооружений особенно усиливается на ближних дистанциях из-за размещения светового оборудования. Снижает эффективность аутентичных композиционных приемов подчеркивание оси Биржи: установка новогодней елки, фонтана в акватории, недостаточно решительное кронирование деревьев.

Противостоит факторам композиционного разрушения форума следование традиции. Художественная целостность достигается выявлением композиционного строя объекта, масштабной и стилевой координацией среды, тесно связанной с тектоникой, свето-пространственным, пластическим и колористическим строем. Поддержанию аутентичного восприятия ансамбля способствует модуляция линейных интервалов, масс, объема, скорости процессов, контрастности, интенсивности значения и т. п. В формировании масштабности значительна роль стереотипов восприятия и поведения людей.

Диссимметрия композиции представляет собой способ восхождения к художественной целостности более высокого порядка, раскрывающей коллизию природных стихий, истории и воли человека.

Признание приоритетной направленности вектора восприятия на открытое коммуникативное пространство не допускает использование воронкообразной модели регулирования высотности застройки Санкт-Петербурга. Охрана «вида на море» зафиксирована еще в Законе градском (в составе «Кормчих книг»), переведном византийском кодексе права, распространенном в России в XIII–XVII вв. Трагательная охрана того, чего не было в Московии, связана с возможностью переосмыслиния условий пространственного развития городов и признания ценности открытых видов и панорам. Направленность важнейших векторов на залив и требование охраны аутентичного восприятия масштабности ансамбля требуют другой модели, названной «театрон» [6, с.168]. В соответствии с ней потребность в высотной застройке делового центра может быть реализована лишь с востока, в соответствии с моделью «новый акрополь» [6, с. 168].

Поддержанию пространственно-семантического строя форума служит звездообразная (в плане) модель регулирования высотности

застройки Санкт-Петербурга [6, с. 162–164]. В ее основе лежит признание необходимости охраны осевых композиций эпохи барокко, важнейшие из которых пересекают акваторию Морского форума. Это оси, смыкающиеся на шпиле Петропавловского собора: Староневский, Московский проспекты, Шпалерная улица; на шпиле Адмиралтейства: Невский, Вознесенский проспекты и Гороховая улица; это бывшая просека для наблюдения за фарватером от Первоначального дворца и Флажной башни Нарышкина бастиона – Большой проспект Васильевского острова (*ил. 3*).

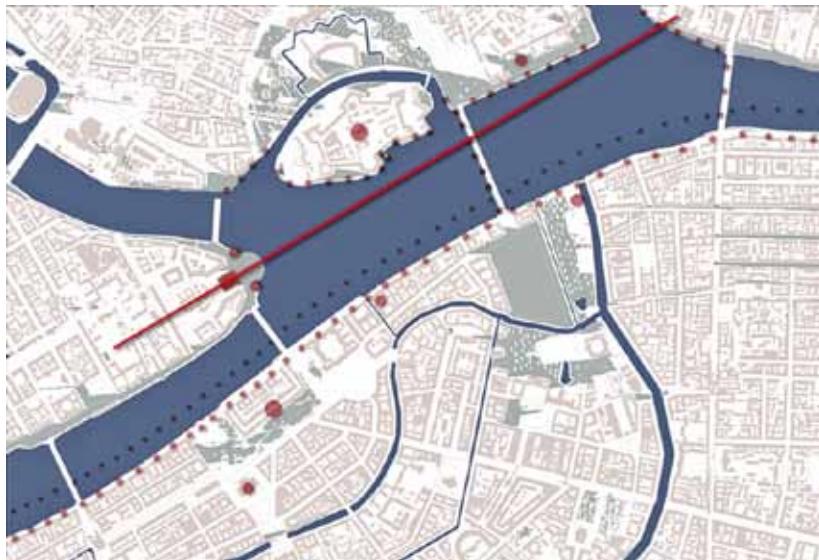
Противостоит искажению композиции преемственность идейного замысла, художественных задач и приемов, неминуемо составляющих основу сценарного и средового проектирования историко-архитектурного комплекса.

БИБЛИОГРАФИЯ

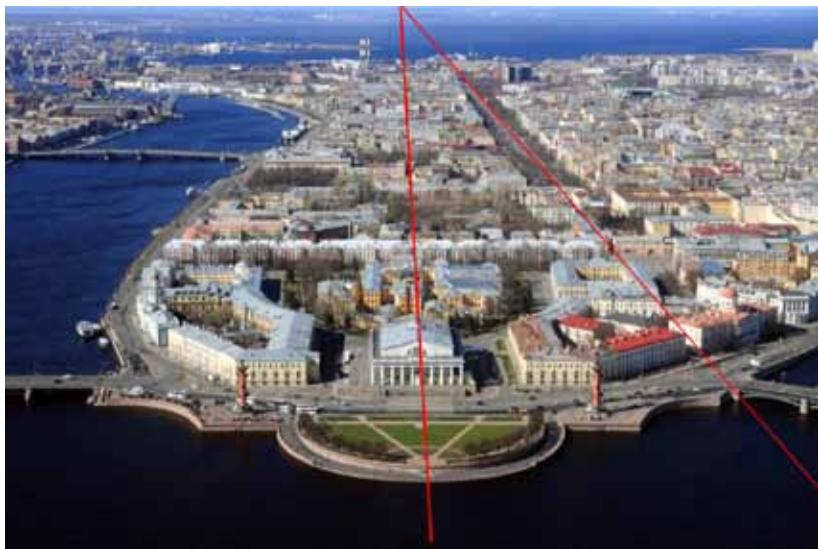
1. Власов В. Г. Греко-италийские источники архитектуры романтического классицизма рубежа XVIII–XIX веков // В. Г. Власов. Искусство России в пространстве Евразии : в 3-х т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. Т. 2.
2. Захаров О. Н. Архитектурные панорамы невских берегов / под ред. И. И. Фомина. Ленинград : Стройиздат, 1984. 320 с.
3. Исаченко В. Г. Архитектура Санкт-Петербурга : Справочник-путеводитель. СПб. : Паритет, 2002. 416 с.
4. Лурье Ф. М. Петербург 1703–1917. История и культура в таблицах. СПб. : Золотой век, 2001. 268 с.
5. Страутманис И. А. Информационно-эмоциональный потенциал архитектуры. М. : Стройиздат, 1978. 120 с.
6. Шатилов Д. А. Античные истоки и современная интерпретация архитектоники Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург как эстетический феномен: теоретические и практические аспекты : сб. статей / Санкт-Петербургское философское общество. СПб., 2009. С. 158–169.
7. Шатилов Д. А. Охрана системы внешних линейных композиционных связей памятников петровской эпохи // Первоначальные строения Санкт-Петербурга (итоги, исследования, открытия) : тезисы докладов Второй науч. конф. Летнего сада и Дворца-музея Петра I, июнь 1999 г. / Комитет по культуре администрации Санкт-Петербурга ; музей «Летний сад и Дворец-музей Петра I». СПб., 1999. С. 31–34.

1. Крестообразная планировочная метаструктура Санкт-Петербурга с центром, отмеченным Петропавловским собором

2. Ось здания Биржи (красная линия) и основные маршруты восприятия ансамбля «Морской форум России» (пунктир)

3. Оси ансамбля Стрелки и Большого проспекта Васильевского острова. Аэрофотоснимок с наклонным положением оптической оси объектива. Фото 2000 г.